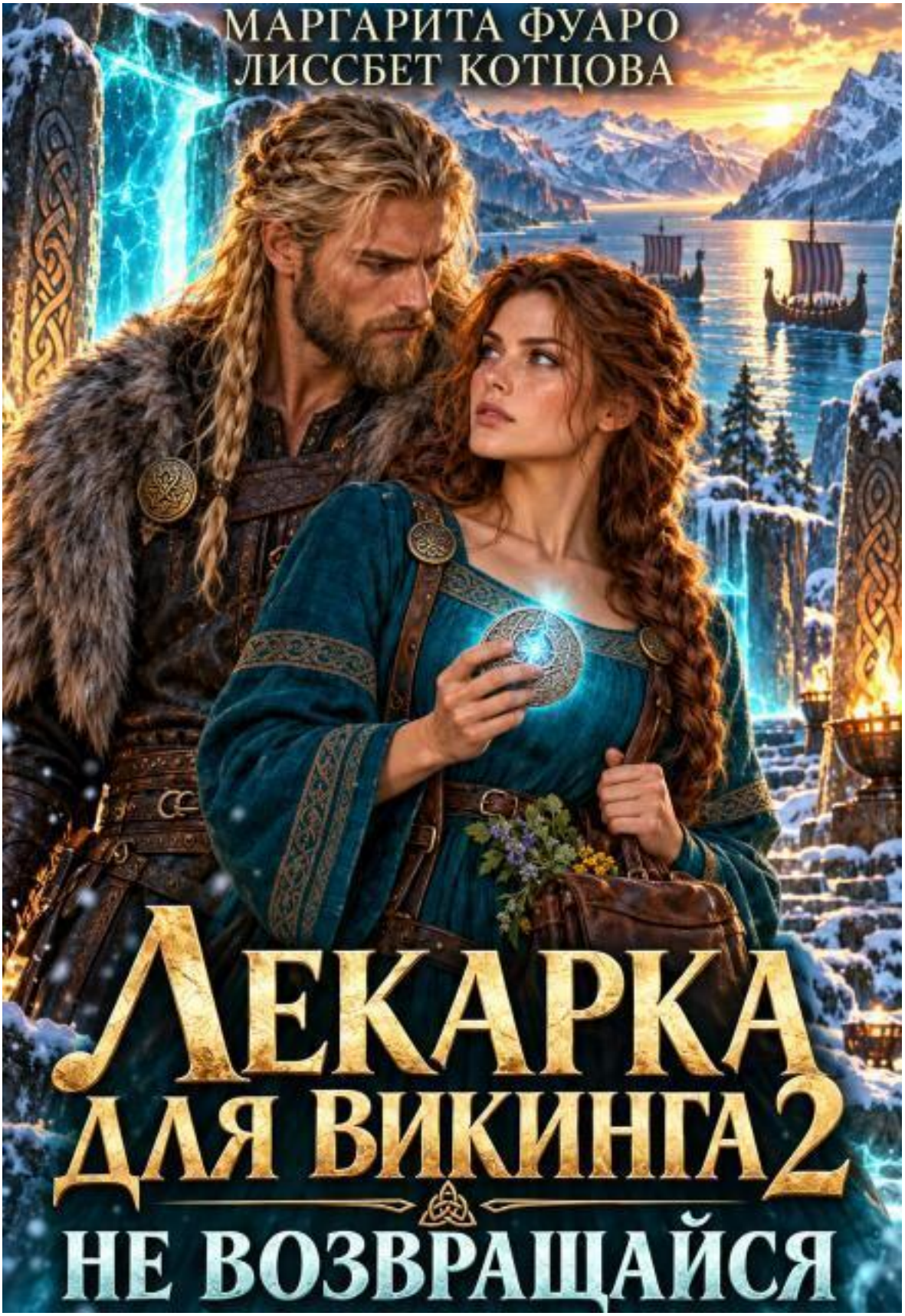

МАРГАРИТА ФУАРО
ЛИССБЕТ КОТЦОВА
ЛЕКАРКА ДЛЯ ВИКИНГА 2
НЕ ВОЗВРАЩАЙСЯ

Маргарита Фуаро

Лекарка для Викинга
2. Не возвращайся

«Литнет»

2026

Фуаро М.

Лекарка для Викинга 2. Не возвращайся / М. Фуаро — «Литнет», 2026

Я осталась в мире викингов по собственной воле.У меня есть свобода, место в Волчьем доме, люди, которых я научилась считать семьёй, и Эйрик, который наконец понял: любить меня не значит владеть мной.Я думала, самое страшное уже позади.Ошибалась.С моря приходят корабли людей, которые знают моё настоящее имя. Они ищут древнюю дверь между временами и называют меня живым ключом. Металлическая пластина с надписью «В. СОКОЛОВА» появилась здесь задолго до моего рождения. Мать девушки, чьё тело я заняла, знала обо мне за двадцать три года до нашей встречи.А потом из невозможного куска металла звучит голос моей мамы.Она жива.Она слышит меня.И говорит только одно:«Не возвращайся».Теперь мне предстоит узнать, кто ещё умеет открывать дорогу между двумя мирами, почему другой человек из моего времени уже пятнадцать лет живёт среди викингов и что произойдёт, если дверь однажды распахнётся по-настоящему.Потому что теперь за ней охотятся не ради меня одной.За ней хотят власть, знания, лекарства, оружие и будущее.А мне придётся решить, какой из двух миров я готова назвать своим.И сколько жизней можно поставить на кон ради дороги домой.

© Фуаро М., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Белые огни 5
Глава 2. Живой ключ 9
Глава 3. Дом, который спрашивает 14
Глава 4. Коробка Хельги 19
Глава 5. Не для дочери 23
Глава 6. Вещь с моим именем 27
Глава 7. Будешь говорить? 32
Глава 8. Человек, который поймёт 36
Глава 9. Суд Хравна 40
Глава 10. Последнее слово годи 44
Глава 11. Орм 48
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Глава 1. Белые огни

Двадцать один.

Я пересчитала огни ещё раз, хотя прекрасно понимала, что от этого их меньше не станет.

Двадцать один жёлтый огонёк дрожал в темноте фьорда. Они то исчезали за волной, то снова возникали, вытягиваясь длинной цепочкой вдоль чёрной воды.

А чуть в стороне горел другой.

Белый.

Слишком яркий для обычного факела.

Я всё ещё сжимала металлическую пластину. Она едва заметно дрожала в ладони, словно внутри неё работал крошечный моторчик. Глупость. Здесь не было никаких моторчиков. Здесь вообще не должно было быть этой вещи.

Как и меня.

Рядом Эйрик смотрел на море. После недавней битвы он ещё двигался осторожнее обычного, хотя никогда бы в этом не признался. На берегу пахло гарью. Где-то дальше мужчины разбирали остатки сгоревшего причала. Волчий дом только начал считать мёртвых, раненых и то, что осталось после нападения.

И вот теперь море принесло нам ещё двадцать один огонь.

Прекрасно.

Кажется, север решил, что спокойная жизнь мне противопоказана.

Я посмотрела на Эйнара.

Он тоже считал.

Только в отличие от меня не удивлялся.

Он боялся.

До этого я видела его настороженным, усталым, скрытным. Видела, как он держал коробку Хельги так, будто она могла укусить любого, кто прикоснётся без разрешения.

Но сейчас его лицо изменилось.

"Кто они?"

Эйнар не ответил.

Эйрик повернул голову.

"Она спросила."

Тихо. Без угрозы.

Но я уже знала этот голос. После него обычно люди вспоминали всё, что собирались скрыть.

Эйнар провёл большим пальцем по краю своей перчатки.

"Нам нужно уйти с берега."

"Сначала ты ответишь."

"Если они заметят огни здесь..."

"Они уже знают, где берег", сказала я. "Судя по количеству кораблей, с географией у них всё нормально."

Эйнар бросил на меня короткий взгляд.

Не оценил.

Что ж. Я тоже не особенно ценила людей, которые приплывали ночью с таинственными коробками, знали моё настоящее имя и сообщали, что моя давно исчезнувшая из этого мира биография почему-то интересует половину северного моря.

На воде снова вспыхнул белый свет.

Не пламя костра. Не обычный факел.

Он поднялся высоко, почти неподвижно, и на несколько секунд мне показалось, что даже туман вокруг стал светлее.

Пластина в моей руке отозвалась сильнее.

Я резко разжала пальцы.

Металл перестал дрожать.

Эйнар это заметил.

И вот тогда я окончательно поняла: он знает.

"Что означает белый огонь?"

Он медленно выдохнул.

"Что они хотят, чтобы мы их увидели."

"Это я уже поняла."

"И чтобы поняли, кто пришёл."

Эйрик сделал шаг к нему.

"Имя."

Эйнар покачал головой.

"У них нет одного имени."

"У любого врага есть имя."

"Не у этого."

Скрипнула мокрая галька. Сзади подошёл Бьёрн. Он держал меч в здоровой руке, а вторая всё ещё была туго перевязана после ранения.

"На мысе увидели ещё два судна", сказал он. "Возможно, больше. Туман закрывает дальнюю воду."

Двадцать три.

Я почти засмеялась.

Не потому что было смешно.

Иногда организм выбирает очень странный способ сообщить, что ему всё это надоело.

Эйрик даже не повернулся к Бьёрну.

"Люди?"

"Готовы."

"Не зажигать новых огней. Смотреть за водой."

Бьёрн кивнул и ушёл.

Всего несколько слов.

Ни крика, ни паники.

Но берег вокруг нас будто сразу стал другим. Я услышала быстрые шаги. Звякнуло железо. Кто-то окликнул часового у причала.

Волчий дом снова готовился к войне.

А ведь кровь на старых досках ещё толком не отмыли.

Я посмотрела на Эйнара.

"Они идут за тобой?"

Он молчал слишком долго.

"В том числе."

"За коробкой?"

Его пальцы крепче обхватили тёмное дерево.

"Да."

Я подняла пластину.

"За этим?"

Теперь он посмотрел мне прямо в глаза.

"Да."

Мне не понравилось, что оставался ещё один вопрос.

Эйрик, кажется, понял это одновременно со мной.

"И?"

Эйнар отвёл взгляд к морю.

Первый корабль уже можно было различить без труда. Тёмный нос рассекал воду. Парус убран. Значит, шли на вёслах и не спешили показывать, сколько людей на борту.

Не набег.

Набеги я уже видела.

Там хотели напугать, ворваться, ударить быстро.

Эти люди шли иначе.

Так идут туда, где заранее знают, что должны найти.

"Серебро им не нужно", сказал Эйнар.

Эйрик усмехнулся без веселья.

"Все говорят так, пока не видят серебро."

"Эти уже видели больше."

Что-то неприятно кольнуло под рёбрами.

"Больше чего?"

Эйнар снова замолчал.

Я устала.

Не от холода. Не от кораблей. Даже не от того, что металлическая вещь с моей фамилией лежала в ладони женщины, родившейся за тысячу лет до того, как на свете должна была появиться Варвара Соколова.

Я устала от людей, которые знали обо мне больше меня самой.

"Хватит."

Эйнар посмотрел на меня.

"Что?"

"Хватит решать, сколько правды я переживу за один вечер. Кто они и чего хотят?"

За моей спиной было тихо.

Эйрик не вмешался.

Это почему-то придало больше сил, чем если бы он начал требовать ответ вместо меня.

Эйнар посмотрел сначала на коробку, потом на пластину.

Наконец на меня.

"Они ищут места, где мир становится тонким."

У меня пересохло во рту.

Белый свет над дальним кораблём погас.

Остались обычные огни.

"Курган?"

Эйнар кивнул.

"И другие места."

Я вспомнила белизну между камнями.

Голос матери.

Телефон, которого здесь не существовало.

То мгновение, когда я могла сделать шаг.

И своё собственное: "Не сейчас".

"Дверь", сказала я.

"Да."

Эйрик медленно повернулся к морю.

Теперь я поняла выражение его лица.

Он уже не смотрел на корабли как на врагов, которые могут сжечь дома.

Он смотрел на них как на людей, пришедших за тем, что нельзя вернуть, если однажды отдать.

"Зачем им она?" спросил он.

Эйнар не ответил.

Я почувствовала холод раньше, чем поняла почему.

"Они ведь идут не только за дверью."

Эйнар закрыл глаза на одно короткое мгновение.

Этого хватило.

"За мной?"

Где-то далеко ударило весло о борт.

Один раз.

Потом второй.

Эйнар открыл глаза.

"Я пришёл раньше них. Но теперь они знают, что ты здесь".

Глава 2. Живой ключ

Несколько секунд я просто смотрела на Эйнара.

Холод с моря лез под одежду, ветер трепал волосы, на воде приближались чужие огни, а в голове застряла только одна мысль.

Они знают, что я здесь.

Не Лив.

Не лекарка Волчьего дома.

Я.

"Откуда?"

Эйнар нахмурился.

"Что?"

"Откуда они знают, что я здесь?"

Он посмотрел на пластину в моей руке.

Я тут же сжала пальцы.

"Нет. Не надо опять смотреть на эту железку так, будто она сейчас всё объяснит. Ты сказал, что они знают. Значит, говори."

Эйрик стоял рядом, чуть впереди меня. Не закрывал собой, но достаточно близко, чтобы я чувствовала его плечо.

Эйнар перевёл взгляд на него.

"Лучше говорить в доме."

"Почему?"

"Потому что на берегу нас могут видеть."

"В доме они перестанут знать, что я существую?"

Эйнар поморщился.

Я понимала, что веду себя неразумно. Разумный человек при виде двух десятков неизвестных кораблей сначала прячется за стену, потом выясняет подробности.

Но последние месяцы сильно испортили мои отношения с разумным поведением.

Особенно когда другие люди начинали решать, какую часть правды мне позволено услышать.

Эйрик посмотрел на море.

"Идём."

Я уже открыла рот.

"Варвара."

Одно слово.

Спокойное.

Я посмотрела на приближающиеся суда и всё же пошла.

Упрямство упрямством, а стрела в спине плохо способствует поискам истины.

До большого дома мы дошли быстро.

Люди двигались навстречу, тащили оружие, закрывали ставни, уводили детей. Никто не кричал. После недавнего боя Волчий дом научился готовиться к беде почти молча.

От этого становилось только хуже.

Внутри пахло дымом, мокрой шерстью и кровью.

Последний запах я теперь замечала сразу.

У стены лежали двое раненых после прежнего нападения. Один спал. Второй открыл глаза, увидел Эйрика и попытался подняться.

"Лежи", сказала я.

Он послушался раньше, чем Эйрик успел что-либо добавить.

Когда-то подобное удивило бы меня.

Теперь нет.

Мы прошли дальше, в небольшую боковую часть дома. Эйнар поставил коробку Хельги на стол, но руки с крышки не убрал.

Я осталась стоять.

"Теперь говори."

Он долго молчал.

Потом спросил:

"Ты помнишь, как пришла сюда?"

Я усмехнулась.

"Очень плохо забывается собственная казнь."

"Я не об этом."

Улыбка исчезла сама.

Перед глазами мелькнул мокрый асфальт.

Фары.

Мамин непринятый звонок.

А потом ледяная земля под щекой и чужие голоса, называющие меня Лив.

"Нет", сказала я. "Самого перехода не помню."

Эйнар кивнул, словно именно этого ожидал.

"Но ты прошла."

"Это уже установлено."

"Нет. Ты не понимаешь."

Он наконец убрал руки с коробки.

"На Седых островах находили вещи."

Я посмотрела на пластину.

"Такие?"

"Разные."

"Насколько разные?"

Эйнар задумался.

"Металл, который никто не мог сделать. Стекло. Однажды маленький круглый предмет с чужими знаками. Он был лёгкий, почти как дерево, но не горел."

Пластик.

У меня неприятно свело живот.

"И давно?"

"Дольше, чем живёт мой отец. Дольше, чем жил его отец."

Я медленно села.

Вот этого мне никто не говорил.

До сих пор невозможное можно было как-то удерживать возле себя. Я попала сюда. Пластина появилась здесь. Курган показал мне другой мир.

Но если вещи падали сюда задолго до меня...

Значит, я не начало этой истории.

Я вообще могла оказаться всего лишь одним эпизодом в ней.

"И они просто появляются?"

"Иногда."

"Где?"

"В местах, которые мы называем тонкими."

Я вспомнила курган.

Белый свет между камнями.

То ощущение, будто воздух внезапно стал слишком плотным.

"Двери."

"Не всегда двери."

Эйнар провёл ладонью по столу.

"Чаще щели. Иногда через них слышат звук. Иногда видят свет. Иногда находят то, чего вчера не было."

"Люди?"

Он поднял глаза.

"Почти никогда."

Эйрик до этого молчал.

"Почти?"

Эйнар снова посмотрел на меня.

Мне очень не понравился этот взгляд.

"Есть старые рассказы. Люди исчезали. Иногда кто-то говорил, что видел человека там, где минуту назад никого не было. Большинство историй невозможно проверить."

"А меня можно."

"Да."

Ответ прозвучал слишком быстро.

Я откинулась назад.

В груди стало тесно.

Я вдруг поняла, почему мне так не нравится всё, что он говорит.

Не потому, что страшно.

Потому что впервые за долгое время меня опять обсуждали как явление.

Когда я появилась здесь, я была ведьмой.

Потом пленницей.

Потом полезной лекаркой.

Потом свободной женщиной.

Я очень дорого заплатила за последнее определение.

И вот теперь кто-то решил придумать новое.

"Как вы меня называете?"

Эйнар отвёл глаза.

Этого оказалось достаточно.

"Говори."

"Это старое название."

"Мне всё равно."

"Живой ключ."

Я даже не сразу поняла смысл.

Потом стало смешно.

Совсем чуть-чуть.

Таким смехом обычно смеются люди, которым уже некуда складывать плохие новости.

"Конечно."

Эйрик повернул ко мне голову.

Я подняла ладонь.

"Нет, всё прекрасно. Я только привыкла быть человеком, а тут выясняется, что рано расслабилась. Теперь я ключ."

Эйнар нахмурился.

"Это не означает, что ты чья-то вещь."

"Ключи обычно именно вещи."

"Название старше нас."

"Тогда оно старое и глупое."

Он хотел возразить, но передумал.

Правильно.

Сегодня я была не в настроении уважать традиции, которые превращали людей в предметы.

Эйрик подошёл к столу.

"Почему она?"

Эйнар ответил не сразу.

"Потому что она уже прошла."

"Ты только что сказал, что люди исчезали."

"Исчезали. Мы не знаем, куда. Варвара пришла с другой стороны и осталась живой."

Я ощутила, как ноготь впился в ладонь.

"И что это даёт тем людям на кораблях?"

"Надежду."

"На что?"

Эйнар посмотрел на пластину.

"Что рядом с тобой дверь откроется снова."

По спине пробежал холод.

Теперь я поняла.

Им не обязательно было знать, кто такая Варвара Соколова.

Не обязательно знать о маме.

Даже не обязательно понимать, откуда я пришла.

Им достаточно было одного факта.

Я смогла.

А значит, для них я была доказательством, что можно повторить.

"Они хотят вернуться?" спросила я.

Эйнар промолчал.

"Или попасть туда?"

"Я не знаю, чего хотят все."

Очень аккуратный ответ.

"Но ты знаешь, чего хочет тот, кто их ведёт."

Лицо Эйнара едва заметно изменилось.

Я заметила.

Эйрик тоже.

"Кто он?" спросил Эйрик.

"Не сейчас."

Я встала так резко, что лавка скрипнула по полу.

"Ты серьёзно?"

"Я рассказал достаточно, чтобы ты поняла опасность."

Вот тут он ошибся.

Причём сильно.

Я подошла к столу и положила пластину рядом с коробкой.

Металл тихо звякнул о дерево.

"Послушай меня внимательно. Я уже жила среди людей, которые считали, что знают, сколько мне положено понимать. Один хотел утопить меня. Другой использовал как угрозу. Третий объяснял всё волей богов."

Эйнар не отступил.

"Я не они."

"Тогда не веди себя как они."

В доме что-то глухо ударило. Снаружи послышались быстрые шаги.

Но никто из нас не повернулся.

Эйнар смотрел на меня долго.

Потом сказал:

"Если они решат, что ты откажешься, тебя могут попытаться забрать."

Я почувствовала, как Эйрик напрягся.

Не двинулся.

Не заговорил за меня.

Просто стал очень тихим.

Я знала эту тишину.

Она была опаснее крика.

"Попытаться могут", сказала я.

"Ты не понимаешь."

"Сегодня мне это говорят подозрительно часто."

Эйнар подошёл ближе.

Теперь между нами оставался только край стола.

"Для тебя свобода означает, что никто не имеет права приказать тебе идти к двери."

"Да."

"Для них это ничего не значит."

Я замолчала.

Вот теперь он попал точно.

Свобода действительно была настоящей только там, где другие соглашались её признавать.

Эйрик признал.

Волчий дом признал.

Тинг признал.

Но море только что принесло людей, которым было всё равно, сколько крови мне стоило это право.

Они не знали меня.

Им и не нужно было.

Им требовалось то, что я могла сделать.

Или то, что они думали, будто я могу.

Я посмотрела на пластину с собственным именем.

Вещь, которой здесь не должно существовать.

Потом на тёмную коробку женщины, умершей или исчезнувшей задолго до моего появления.

Снаружи протрубил рог.

Один короткий сигнал.

Чужие корабли подходили ближе.

Эйнар тоже услышал.

"Теперь понимаешь?"

Я подняла глаза.

"Нет. Но начинаю."

Он покачал головой.

"Тогда запомни главное."

За стенами Волчьего дома снова закричал рог.

Эйнар смотрел прямо на меня.

"Им нужна не дверь. Им нужна ты рядом с ней".

Глава 3. Дом, который спрашивает

Волчий дом умел готовиться к беде быстрее, чем к празднику.

Ещё несколько минут назад в большом зале кто-то ел, кто-то менял повязку раненому, Гудрун ругалась из-за пролитого жира, а Хальвдан пытался доказать, что ему совершенно необходимо не спать.

Теперь столы сдвигали к стенам.

Мужчины проверяли оружие.

Женщины уносили мешки с зерном и сушёную рыбу подальше от наружных дверей.

Даже дети говорили тише.

Я стояла посреди этого движения и вдруг поймала себя на знакомом ощущении.

Как перед массовым поступлением.

Когда ещё никто не приехал, сирены не слышно, крови нет, но ты уже знаешь, что через десять минут свободных рук не останется.

Только здесь вместо каталок были лавки.

Вместо кислорода печально малый запас чистой ткани.

А вместо соседней реанимации море, полное людей, которые почему-то считали меня ключом.

Прекрасный обмен опытом.

"Варвара."

Я обернулась.

Гудрун стояла возле моей лечебной кладовой с таким выражением лица, будто собиралась лично победить весь вражеский флот связкой ключей.

"Иди сюда."

Я пошла.

Она распахнула дверь.

Внутри всё выглядело хуже, чем мне хотелось.

После последнего боя мы потратили почти все приготовленные повязки. На полке лежали свёрнутые полосы льна, но их было мало. Часть мёда ушла на раны. Травы Торы тоже заметно поредели. Чистая вода была, но если сюда принесут сразу десяток человек, её не хватит надолго.

Я машинально начала считать.

Ткань.

Вода.

Свет.

Место.

Люди.

Всегда люди.

Гудрун наблюдала за мной.

"Что нужно?"

Я подняла глаза.

"Что?"

"Если они нападут. Что тебе нужно?"

Вопрос оказался настолько простым, что я не сразу нашлась с ответом.

Несколько месяцев назад мне приходилось требовать каждую миску.

Доказывать, зачем кипятить воду.

Объяснять, почему окровавленную тряпку нельзя положить обратно к чистым.

Иногда мне казалось, что я трачу больше сил на борьбу с людьми, чем на лечение.

А теперь Гудрун просто стояла и ждала.

Не спорила.

Не говорила, что женщины всегда делали иначе.

Спрашивала.

Я повернулась к полкам.

"Воду. Много. И пусть начнут греть заранее."

Гудрун кивнула.

"Ткань?"

"Всё чистое, что можешь отдать. Но не режь пока хорошее полотно. Сначала старое льняное, если оно выстирано."

"Мёд?"

Я посмотрела на маленький горшок.

"Береги. Если будет много ран, понадобится."

Гудрун снова кивнула и уже собралась уходить.

"Подожди."

Она остановилась.

"Мне нужны люди."

"Сколько?"

"Хотя бы трое, которые умеют слушать с первого раза."

Гудрун хмыкнула.

"Тогда придётся брать женщин."

Я невольно улыбнулась.

"Подойдут."

Она ушла.

Через несколько мгновений в дверях появилась Аста.

За ней Руна.

Потом Тора, которая посмотрела на полки, на меня и недовольно поджала губы.

"Мало."

"Очень."

Она без лишних слов сняла с плеча мешок и положила его на стол.

Внутри были травы, несколько свёртков и маленькая костяная ложка.

"Я берегла это до весны."

Мне не понравилось слово "берегла".

Значит, если мы используем всё сейчас, весной кому-то может не хватить.

На Севере любая победа почему-то приходила с заранее выписанным счётом.

"Возьмём только если понадобится."

Тора посмотрела на меня почти сердито.

"Если понадобится, не будешь считать."

Я не стала спорить.

Потому что знала, что она права.

Снаружи послышались шаги.

Эйрик вошёл вместе с Бьёрном.

На обоих ещё была кровь после недавней битвы. Не свежая. Засохшая на одежде, въевшаяся в кожу у запястий.

Будто дом даже не успел закончить одну беду, прежде чем получил следующую.

Эйрик окинул взглядом помещение.

"Сколько раненых примешь?"

Я опёрлась ладонями о стол.

"Это зависит не от комнаты."

"От чего?"

"От того, сколько будет тяжёлых. И сколько людей вы принесёте одновременно."

Бьёрн нахмурился.

"Если начнётся бой, принесём всех."

"Нет."

Он посмотрел на меня.

Я уже видела такое выражение у мужчин. Обычно оно означало: женщина только что сказала нечто, что нарушает естественный порядок вещей.

"Сначала тех, кто не может ждать. С сильным кровотечением. С ранами груди. Без сознания. Остальных пусть держат отдельно, пока я не посмотрю."

Бьёрн перевёл взгляд на Эйрика.

Раньше именно здесь всё могло закончиться.

Эйрик решил бы.

Отдал приказ.

Объяснил бы мне потом, что так надо.

Он посмотрел на стол, потом на меня.

"Где держать остальных?"

Я замолчала на секунду.

Слишком маленькая разница.

Всего один вопрос.

Но я её услышала.

"В дальнем конце большого дома. Не возле очага, там будет тесно. Пусть Гудрун освободит две лавки. И нужен кто-то, кто будет отмечать, кого уже осмотрели."

Эйрик кивнул.

"Сделаем."

Вот и всё.

Никакой борьбы.

Почему-то именно от этого защемило сильнее, чем от красивых слов.

Я вспомнила верёвку на запястьях.

Холодную пристройку.

Стражника у двери.

Ключ, который когда-то принадлежал не мне.

Теперь дверь лечебницы была открыта.

И никто не стоял рядом, чтобы следить, куда я пойду.

Эйрик уже направился к выходу, но остановился.

"Ещё что-нибудь?"

Я посмотрела на него.

Он действительно ждал.

Не из вежливости.

Не потому, что вдруг стал человеком из моего времени.

Он просто хотел знать, что понадобится лекарке его дома.

Мне.

"Не давай людям напиваться перед боем."

Бьёрн фыркнул.

"Вот теперь просишь невозможного."

"Тогда хотя бы тем, кто потом будет носить раненых."

"Это уже оскорбление традиций."

"Переживёте."

Уголок его рта дёрнулся.

Эйрик ничего не сказал, но в глазах мелькнуло что-то очень похожее на усталую усмешку.

Они ушли.

Я осталась у открытой двери.

Руна уже складывала ткань.

Аста таскала воду.

Тора перебирала свои травы.

Гудрун где-то в зале командовала так, что её слышали, наверное, на противоположном берегу.

Дом работал.

Не потому, что я заставила.

Потому что теперь мои правила стали частью его правил.

Я должна была почувствовать гордость.

Вместо этого посмотрела на запасы и подумала, сколько людей они выдержат.

Пять тяжёлых?

Шесть?

А если десять?

Если двадцать?

Я закрыла глаза на мгновение.

Сегодня утром мы собирались разбирать последствия старого боя.

Хальвдан хотел показать мне деревянного волка, которого кто-то вырезал для него.

Руна собиралась учиться накладывать новую повязку.

А я впервые за долгое время подумала, что вечером можно будет просто сесть возле огня.

Никаких смертей.

Никаких пророчеств.

Никаких дверей между мирами.

Глупая роскошь.

"Варвара!"

Крик пришёл снаружи.

Я выскочила из кладовой.

Люди уже двигались к двери большого дома.

На берегу ударил рог.

Один раз.

Потом второй.

Я выбежала во двор вслед за Эйриком.

Ночь над фьордом была чёрной.

Чужие огни стояли далеко на воде.

И вдруг над одним из кораблей поднялось белое пламя.

Не жёлтое.

Не красное.

Белое.

Оно вспыхнуло так ярко, что на мгновение обозначились мачта, край паруса и тёмные фигуры людей на палубе.

Рядом со мной резко остановился Эйнар.

Я повернулась к нему.

Он побледнел.

Не насторожился.

Не задумался.

Испугался.

По-настоящему.

И это оказалось страшнее самого огня.

Глава 4. Коробка Хельги

Белый огонь погас так же внезапно, как появился.

Тьма над фьордом стала ещё гуще.

Но лицо Эйнара я уже успела увидеть.

Этого хватило.

Он боялся не кораблей.

Он боялся того, что они означали.

“В дом”, сказал Эйрик.

На этот раз я не спорила.

Ветер становился сильнее, люди уже занимали места у берега, а торчать посреди двора с вещами, за которыми приплыла неизвестно какая армия, действительно было глупо.

Только теперь меня интересовали не корабли.

Коробка.

Та самая, которую Эйнар привёз с Седых островов.

Та самая, которую Хельга оставила двадцать три зимы назад.

До рождения Лив.

Для женщины, которая должна была прийти после неё.

Для меня.

От одной этой мысли хотелось помыть голову очень холодной водой и проснуться.

Не помогло бы.

Мы вернулись в боковую часть большого дома. Эйрик оставил у двери двух воинов. Сам вошёл вместе с нами.

Эйнар поставил коробку на стол.

Тёмное дерево было почти чёрным от времени. По крышке шли тонкие царапины. На первый взгляд обычная старая вещь, небольшая, чуть длиннее моего предплечья.

Но я уже знала знак на крышке.

Три линии.

Круг.

Птица с расправленными крыльями.

Когда я увидела его впервые, тело Лив отозвалось раньше меня.

Женская рука.

Деревянная дверь.

Голос.

“Если Волк не услышит, иди к морю”.

Я провела пальцами по краю стола, но коробки не коснулась.

“Открывай.”

Эйнар поднял на меня глаза.

“Не сейчас.”

Я даже удивилась.

Не тому, что он отказал.

Тому, насколько это было предсказуемо.

“У нас за берегом стоят корабли людей, которые пришли за мной, за тобой и за этой коробкой. Какой именно момент ты считаешь более подходящим?”

“Хельга оставила условия.”

“Ты уже говорил.”

“Коробку нельзя было открывать раньше.”

“Отлично. Раньше мы её и не открывали.”

Эйнар сжал челюсть.

“Ты превращаешь то, чего не понимаешь, в шутку.”

“Нет. Я превращаю в шутку твою привычку говорить половину правды.”

В комнате стало тихо.

Снаружи доносился глухой топот. Кто-то двигал тяжёлую скамью. В большом зале плакал ребёнок, и почти сразу женский голос его успокоил.

Дом готовился пережить ещё одну ночь.

А мы спорили с человеком, который уже второй раз решил, что знает правильное время для моей собственной жизни.

Эйрик стоял у стены.

Не вмешивался.

Я посмотрела на Эйнара.

“Что именно сказала Хельга?”

Он медленно провёл ладонью по крышке.

“Не открывать, пока не придёт вторая.”

“Вторая кто?”

“Женщина.”

“Какая?”

“Не Лив.”

По спине прошёл неприятный холод.

Хотя я уже слышала это раньше, сейчас слова прозвучали иначе.

Не как загадка.

Как инструкция.

“И как ты должен был понять, что это я?”

Эйнар посмотрел на моё лицо.

На лицо Лив.

“Она сказала, что женщина будет носить лицо её дочери, но не будет ею.”

Я перестала дышать.

Всего на мгновение.

Потом медленно выдохнула.

Это было уже слишком близко.

Слишком точно.

“Когда она сказала это?”

“Перед тем как уйти с островов.”

“До рождения Лив?”

“Нет. Позже.”

Я запомнила.

Вопросов становилось больше.

Но хотя бы впервые ответы не исчезали раньше, чем я успевала к ним приблизиться.

Эйнар положил обе ладони на коробку.

“Она сказала ждать правильного времени.”

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомое раздражение.

“Я здесь.”

Он молчал.

“Лив больше нет.”

Его взгляд дрогнул.

“Ты сам приехал за мной.”

Тишина.

“За окном стоят люди, которые тоже знают обо мне.”

Я наклонилась немного ближе.

“Если это ещё не правильное время, Эйнар, боюсь представить, чего ты ждёшь.”

Он не улыбнулся.

Я тоже.

Эйрик наконец заговорил.

“Она права.”

Эйнар посмотрел на него.

“Ты не знаешь, что внутри.”

“Поэтому и надо открыть.”

Просто.

Иногда я завидовала способности Эйрика укладывать мои длинные внутренние монологи в пять слов.

Эйнар опустил взгляд.

Потом тихо произнёс:

“Хельга боялась этой коробки.”

Вот это уже было новым.

“Почему?”

“Не сказала.”

Я закрыла глаза на секунду.

Конечно.

Север, кажется, существовал исключительно благодаря людям, которые не договаривали самое интересное.

“Открывай.”

На этот раз Эйнар не отказался.

Он достал из-за пояса маленький железный ключ.

Я уставилась на него.

“Ты всё это время носил ключ с собой?”

“Да.”

“И говорил про правильный момент?”

Он поднял глаза.

“Это была её воля.”

“Удобная женщина. Очень помогает тебе выигрывать споры спустя двадцать три года.”

Эйрик кашлянул в кулак.

Подозреваю, совершенно не из-за дыма.

Ключ вошёл в маленький замок тяжело.

Дерево тихо скрипнуло.

Эйнар не сразу поднял крышку.

Я вдруг поняла, что сама отступила на полшага.

Странно.

Ещё минуту назад готова была открыть её чуть ли не топором.

Теперь хотелось, чтобы он делал это медленно.

Крышка поднялась.

Ничего не произошло.

Ни белого света.

Ни грома.

Ни голоса мёртвой женщины.

Просто запах старого дерева, сухой ткани и чего-то горького, почти лекарственного.

Внутри лежало несколько свёртков.

Сверху тонкая ткань, когда-то светлая, теперь пожелтевшая. Под ней маленький кусок прозрачного материала. Не стекло, слишком лёгкий на вид. Рядом лежала узкая металлическая деталь с идеально ровными отверстиями.

Я потянулась.

Эйнар перехватил моё запястье.

Резко.

Слишком резко.

Я замерла.

Он тоже.

Посмотрел на свою руку.

Потом отпустил.

“Не трогай пока.”

Я медленно опустила руку.

Что-то между нами изменилось.

Не из-за его хватки.

Из-за того, насколько привычным оказался этот жест.

Он тоже привык решать за человека, которого якобы защищал.

“Ещё раз так сделаешь”, сказала я тихо, “и коробку будешь охранять снаружи.”

Эйнар не стал оправдываться.

Только кивнул.

Хорошо.

Но доверия это не вернуло.

Под странными предметами лежала небольшая деревянная пластинка с тем же знаком Седых островов.

А под ней был свёрнутый кусок кожи.

Письмо.

Эйнар смотрел на него так, будто двадцать три года ждал и одновременно надеялся никогда не увидеть открытым.

Я осторожно достала свёрток сама.

На этот раз он не остановил.

Кожа была сухой и жёсткой. По краям потрескалась. Внутри виднелись строки, выведенные тёмными знаками.

Я знала эти знаки.

Не потому, что училась читать их.

Тело Лив знало.

Чужая память тихо шевельнулась где-то на самом краю сознания.

Я развернула письмо.

Первая строка была короткой.

Прочитала её один раз.

Потом ещё.

И только после этого поняла, что Эйрик что-то спросил.

Я не услышала.

Потому что перед глазами стояли слова женщины, исчезнувшей задолго до того, как я оказалась здесь.

“Если ты читаешь это, значит, Лив уже не может”.

Глава 5. Не для дочери

«Если ты читаешь это, значит, Лив уже не может».

Я перечитала строку ещё раз.

Потом медленно провела пальцем ниже.

Кожа тихо шуршала под рукой. Буквы местами потускнели, некоторые приходилось угадывать, но странное знание Лив помогало. Я не понимала, откуда оно берётся. Просто смотрела на знак и знала его смысл.

Как будто читала чужими глазами.

«Не вини её за то, что случилось. И не вини себя за то, что пришла после».

Я остановилась.

В комнате потрескивал огонь. За стеной двигались люди, слышались шаги, короткие команды, скрип двери.

Там, снаружи, к берегу подходили чужие корабли.

А я сидела перед письмом женщины, которая написала мне за много лет до моего рождения.

Мне очень хотелось обнаружить, что я неправильно поняла текст.

«Что там?» спросил Эйрик.

Я не ответила сразу.

Прочла следующую строку.

«Я не знаю твоего имени».

Стало чуть легче.

Глупо, конечно.

Но легче.

Если бы сейчас на старой коже было написано «Дорогая Варвара», я, возможно, просто встала бы и вышла в ночь. Желательно в сторону, где нет ни курганов, ни дверей, ни людей с пророчествами.

Хельга моего имени не знала.

Это было почти утешением.

«Она пишет не Лив», сказала я.

Эйнар опустил взгляд.

Он уже знал.

Конечно.

Я посмотрела на него поверх письма.

«Ты читал?»

«Нет».

«Но знал, кому оно предназначено».

«Знал то, что сказала Хельга».

Я вернулась к письму.

Больше спорить не хотелось.

Не сейчас.

Строки становились короче. Будто женщина писала торопливо или сама не могла решить, какие слова важнее.

«Если ты носишь её лицо, значит, моя надежда оказалась не такой, как я просила».

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

Не такой, как я просила.

Вот это мне не понравилось.

Совсем.

Я читала дальше.

Хельга писала о Лив.

Не о её смерти.

О страхе за неё.

О том, что дочь ещё не родилась, а она уже боится оставить ей то, с чем сама не смогла разобраться.

Белый свет.

Голоса там, где не должно быть людей.

Вещи, которым неоткуда взяться.

И место у моря, где иногда исчезает звук волн.

Никаких объяснений.

Никаких великих откровений.

Хельга не писала как пророчица.

Она писала как женщина, которая увидела что-то невозможное и теперь пыталась понять, как защитить ребёнка.

От этого становилось почему-то страшнее.

С безумной ведьмой было бы проще.

«Она не знала», сказала я.

Эйнар нахмурился.

«Чего?»

«Что произойдёт».

Я подняла письмо.

«Она всё время сомневается. Здесь нет “ты сделаешь это”, “ты придёшь тогда”. Она пишет “если”. Постоянно.»

Эйрик подошёл ближе, но читать через плечо не пытался.

«Это плохо?»

Я задумалась.

«Не знаю».

И это было правдой.

Часть меня хотела услышать, что всё заранее известно. Что где-то есть готовый ответ, почему именно я проснулась в теле Лив.

Другая часть ненавидела саму мысль.

Если кто-то знал заранее, значит, всё это могло быть задумано.

Ледяная бухта.

Хальвдан.

Эйрик.

Асгейр.

Смерть Лив.

Мой выбор остаться.

Я сглотнула и продолжила.

«Если моя дочь сможет говорить с тобой, выслушай её. Если не сможет, не думай, что она отдала тебе свою жизнь добровольно. Я хотела сохранить её, а не заменить».

Рука дрогнула.

Я положила письмо на стол.

Несколько секунд смотрела на собственные пальцы.

Нет.

Не собственные.

Пальцы Лив.

Её кожа.

Её тело.

Её лицо.

Я жила в нём каждый день и почти научилась не думать об этом каждое утро.

Хельга вернула это ощущение одной строкой.

«Варвара?»

Голос Эйрика прозвучал совсем близко.

Я вдохнула.

«Всё нормально».

Он ничего не сказал.

Очень разумно.

Мы оба знали, что это неправда.

Я снова взяла письмо.

Дальше Хельга писала ещё страннее.

О птице.

Не вороне.

Она подчёркивала это отдельно.

«Я видела знак птицы, но не птицу Одина. Крылья были расправлены иначе. Рядом было имя. Или часть имени. Я не знаю, человек это, род или место».

Я замерла.

Птица.

Что-то шевельнулось в памяти.

Не Лив.

Моей.

Герб на документах?

Логотип?

Нет.

Я не могла ухватить мысль.

Эйнар заметил.

«Что?»

«Пока ничего».

Я прочла дальше.

«Если ты пришла после Лив, ищи не богов. Я слишком долго думала, что должна понять их волю. Возможно, никакой воли здесь нет».

Вот теперь я посмотрела на Эйнара.

«Она действительно это написала?»

Он нахмурился.

«Ты читаешь».

«Для женщины вашего времени мысль довольно смелая».

«Хельга была смелой».

В его голосе что-то изменилось.

Совсем немного.

Но я услышала.

Не уважение к легенде.

Память о человеке.

Мне захотелось спросить, какими они были друг для друга.

Не сейчас.

Письмо ещё не закончилось.

«Я оставляю тебе то, что нашла. Не отдавай это тому, кто скажет, что знает ответы. Я встречала слишком много людей, которые становились опасными сразу после того, как переставали сомневаться».

Я невольно усмехнулась.

Хельга начинала мне нравиться.

Жаль, что познакомиться с ней было невозможно.

Наверное.

После последних дней я уже не была готова утверждать что-либо наверняка.

Внизу оставалось несколько строк.

Почерк там становился неровным.

Я наклонилась ближе.

Первое слово разобрать не удалось.

Второе тоже.

Потом шло:

«…птица».

Ниже:

«…женщина после моей дочери».

И последняя строка.

Я сначала решила, что прочитала неправильно.

Моргнула.

Поднесла кожу ближе к огню.

Буквы не изменились.

Внутри стало совершенно пусто.

Эйрик заметил это первым.

«Что там?»

Я не смогла сразу произнести.

Просто смотрела на слово, которому не было места ни на этой коже, ни в этом доме, ни в этом веке.

Потом всё-таки прочла вслух:

«Соколова».

Глава 6. Вещь с моим именем

Соколова.

Слово на древней коже выглядело неправильнее всего остального.

Белый свет я ещё могла назвать видением.

Чужие воспоминания объяснить телом Лив.

Даже голос матери у кургана, если очень постараться, можно было списать на голову, которая за последние месяцы получила слишком много ударов, страха и недосыпа.

Но фамилия была моей.

Я медленно положила письмо на стол.

Рядом лежала металлическая пластина.

До этого я старалась на неё не смотреть.

Получалось плохо.

Теперь она будто специально ждала.

Я взяла её двумя пальцами и поднесла ближе к огню.

Небольшой прямоугольник металла. Гладкий. Холодный. По краям слишком ровный.

На одной стороне машинными буквами было выбито:

«В. СОКОЛОВА».

Я провела ногтем по надписи.

Никаких следов резца.

Никакой неровности, которую оставил бы человек, выбивающий буквы вручную.

Эту вещь сделали не здесь.

Это я понимала точно.

“Она твоя?” спросил Эйрик.

Я хотела ответить сразу.

Да.

Наверное, потому что фамилия ударила сильнее здравого смысла.

Но посмотрела ещё раз.

Перевернула пластину.

На обратной стороне ничего. Только несколько тонких царапин и маленькое отверстие у края.

Я задержала взгляд.

Нет.

“Не знаю.”

Эйрик нахмурился.

“На ней твоё имя.”

“Фамилия.”

Для него разницы почти не было.

Для меня была.

Я снова повернула пластину к свету.

Соколовой я была всю жизнь.

На работе моя фамилия стояла на документах, пропусках, ведомостях, медицинских бумагах. На форме тоже были обозначения. В больницах вообще любят подписывать всё, что плохо убегает.

Но эту вещь я не помнила.

Совсем.

Не просто не могла вспомнить, где потеряла.

Я никогда её не видела.

Внутри стало холоднее.

“Нет”, сказала я уже увереннее. “Не моя.”

Эйнар поднял голову.

“Что значит не твоя?”

“То и значит. Я её никогда не носила.”

Он посмотрел на надпись.

“Но здесь написано…”

“Я вижу.”

Голос прозвучал резче, чем хотелось.

Я положила пластину на ладонь.

Она была чуть длиннее двух пальцев. Не украшение. Не медальон. Не жетон, который я могла забыть среди старых вещей.

Если бы мне принадлежал металлический прямоугольник с собственной фамилией, я бы знала.

“Может быть, ты забыла?” спросил Эйнар.

Я посмотрела на него.

“Ты часто забываешь вещи со своим именем?”

Он промолчал.

“Вот и я нет.”

Снаружи донёсся рог.

Короткий.

Потом послышался топот по настилу.

Чужие корабли были всё ещё там.

Но сейчас они казались почти простой проблемой.

Корабль можно увидеть.

Людей на нём можно сосчитать.

Понять, сколько у них оружия.

Решить, где поставить воинов.

А что делать с вещью, которая носила мою фамилию за тысячу лет до моего рождения, я не знала.

Я снова посмотрела на письмо.

Хельга написала: Соколова.

Потом на пластину.

«В. СОКОЛОВА».

Совпадение?

Очень смешно.

У судьбы, видимо, отвратительное чувство юмора.

“Что означает первая буква?” спросил Эйрик.

“Может означать Варвара.”

“Может?”

Я кивнула.

“Может означать любое имя на эту букву.”

Хотелось ухватиться за это.

Соколовых много.

Наверняка.

Были.

Будут.

Какая разница, если речь идёт о тысячелетии?

Но Хельга почему-то оставила мою фамилию женщине, которая придёт после Лив.

А я действительно пришла.

В тело её дочери.

Отличная база для рационального объяснения.

Я положила пластину на стол и вдруг почувствовала облегчение.

Совсем маленькое.

Но настоящее.

Эйрик заметил.

“Что?”

Я несколько секунд собирала мысль.

“Если эта вещь не моя, значит, кто-то её сделал.”

Он посмотрел на металл.

“Разве вещи не всегда кто-то делает?”

Я невольно усмехнулась.

“Спасибо. Очень помог.”

Уголок его рта едва заметно дрогнул.

Я снова стала серьёзной.

“Ты не понимаешь. Если бы это была моя вещь, всё выглядело бы так, будто она просто каким-то образом попала сюда вместе со мной или из моего времени.”

Я коснулась надписи.

“Но я её никогда не видела.”

Теперь Эйнар слушал внимательнее.

“Значит, кто-то сделал вещь с твоим именем.”

“Да.”

“До твоего рождения.”

Вот на этом облегчение закончилось.

Я посмотрела на него.

“Не обязательно.”

Эйнар замер.

Эйрик первым уловил смысл.

“Ты говорила, что время у двери странное.”

“Я говорила, что вообще ничего о нём не знаю.”

Я встала и прошлась до стены.

Нужно было двигаться.

Когда пациент резко ухудшался, всегда было проще, если руки заняты.

А сейчас занять их было нечем.

“Мы всё время думаем неправильно.”

“Как?” спросил Эйрик.

Я повернулась.

“Потому что для нас всё идёт по порядку. Сначала вчера, потом сегодня, потом завтра.”

Эйнар медленно посмотрел на пластину.

“А если для двери нет?”

Я пожала плечами.

“Я не знаю.”

И ненавидела эти слова.

Но других не было.

Если вещь с моей фамилией появилась здесь до моего рождения, вариантов становилось слишком много.

Кто-то знал обо мне заранее.

Или предмет пришёл из времени, где я уже существовала.

Или из времени, которое для меня ещё вообще не наступило.

Последняя мысль заставила меня остановиться.

Я посмотрела на металл совсем иначе.

Если его сделали не до меня…

А после?

После чего?

После моего исчезновения?

После того, как я уже оказалась здесь?

Я почти потянулась за этой мыслью, но она рассыпалась.

Слишком мало данных.

На смене я ненавидела людей, которые ставили диагноз по одному симптому.

Теперь сама пыталась объяснить устройство времени по металлической табличке.

Профессиональный рост налицо.

“Хельга знала, что означает надпись?” спросила я.

Эйнар медленно покачал головой.

“Не думаю.”

“Она умела читать такие буквы?”

“Нет.”

Я посмотрела на него.

“Тогда откуда в письме Соколова?”

Он ничего не ответил.

И я поняла, что дошла до вопроса, на который он либо не хотел, либо не мог отвечать.

Пока.

Я устало потёрла лицо.

Внутри большого дома стало шумнее. Голоса приблизились. Кто-то быстро прошёл мимо двери.

Времени на спокойное расследование нам явно никто не собирался давать.

Я снова взяла пластину.

“Значит, имеем фамилию, которую Хельга каким-то образом знала. Вещь, которую я никогда не видела. И людей на кораблях, которым она зачем-то нужна.”

Эйрик посмотрел на меня.

“Боишься?”

Вопрос был тихим.

Я могла соврать.

Раньше, наверное, соврала бы.

“Да.”

Он кивнул.

Просто принял ответ.

Я провела большим пальцем по холодному металлу.

“Больше всего мне не нравится даже то, что она здесь.”

“Что тогда?”

Я посмотрела на собственную фамилию.

“Что кто-то сделал её специально.”

В этот момент металл под пальцами изменился.

Сначала я решила, что просто слишком долго держала его в руке.

Потом тепло стало сильнее.

Я замерла.

“Эйрик.”

Он шагнул ближе.

Пластина нагревалась.
Не обжигала.
Но это уже точно не было теплом моей ладони.
А потом металл едва заметно дрогнул.
Один раз.
Я задержала дыхание.
Пластина снова завибрировала у меня в пальцах.

Глава 7. Будешь говорить?

Пластина перестала дрожать раньше, чем я успела понять, что с ней произошло.

Металл снова лежал в ладони холодный и совершенно обычный.

Если не считать моей фамилии.

Если не считать письма Хельги.

Если не считать двадцати с лишним кораблей за стенами Волчьего дома.

В остальном самый обычный вечер.

В дверь постучали.

Не вошли без разрешения. Уже по этому я поняла, что новости плохие.

Эйрик повернул голову.

“Говори.”

Один из воинов остановился у порога.

“От чужих кораблей идёт лодка. Трое мужчин.”

Эйнар резко поднялся.

“С каким знаком?”

“Без знамени.”

“Оружие?”

“Есть. Но держат убранным.”

Эйрик посмотрел на него.

“Как далеко?”

“Уже у причала.”

Вот и закончился наш спокойный разговор о невозможных вещах.

Я завернула письмо Хельги обратно в ткань и положила его в коробку. Пластину оставила у себя.

Эйнар заметил.

“Лучше положить её туда.”

“Нет.”

“Если они увидят…”

“Тем более нет.”

Мне надоело, что все вокруг знают, что безопаснее делать с моей фамилией.

Я спрятала пластину под одеждой.

Металл коснулся кожи холодом.

Эйрик ничего не сказал.

Только подошёл к двери.

“Они назвали причину?”

Воин кивнул.

“Хотят говорить.”

“Со мной?”

На лице мужчины появилось странное выражение.

“С Эйнаром.”

Пауза.

“И с лекаркой.”

Вот теперь в комнате стало особенно тихо.

Я почувствовала взгляд Эйнара.

Не посмотрела на него.

И так знала, что увижу.

Он предупреждал.

Люди за белым огнём знали, что я здесь.

Теперь они ещё и знали, как меня найти.

Эйрик вышел первым.

Я пошла следом.

Во дворе горели факелы. Воины стояли вдоль прохода к причалу, но мечей никто не вытаскивал. Пока.

Гудрун уводила последних детей в дом.

Хальвдан оказался среди них.

Разумеется, последним.

Он увидел меня и остановился.

“Кто пришёл?”

“Люди.”

Он нахмурился.

“Я вижу.”

Иногда в нём было слишком много отца.

Я присела перед ним.

“Тогда зачем спрашиваешь?”

“Хочу знать, плохие ли.”

Я посмотрела в сторону причала.

Три тёмные фигуры уже поднимались от воды.

“Пока не знаю.”

Хальвдан поджал губы.

Ему не понравился ответ.

Мне тоже.

Гудрун положила ладонь ему на плечо.

“В дом.”

На этот раз он послушался.

Только перед дверью обернулся.

Я дождалась, пока он исчезнет внутри.

Потом пошла дальше.

На причале было холоднее.

Ветер тянул с воды сыростью, и обгоревшие доски всё ещё пахли прошлым боем. Несколько мужчин Волчьего дома стояли возле Эйрика.

Бьёрн был среди них.

Трое чужаков остановились напротив.

Обычные мужчины.

Почему-то я ожидала чего-то другого.

Белых одежд. Странного оружия. Может быть, ещё одной вещи из моего времени.

Ничего.

Мокрые плащи. Усталые лица. Северяне.

Только смотрели они не на дом.

На Эйнара.

А потом на меня.

Слишком внимательно.

Главный из троих был старше остальных. На виске тянулся старый шрам. Он коротко склонил голову перед Эйриком.

“Мы пришли говорить мирно.”

Бьёрн рядом едва слышно хмыкнул.

Я его понимала.

После последних месяцев слова “мирно” и “пришли с моря” плохо сочетались в одном предложении.

Эйрик смотрел на посланника спокойно.

“Ты стоишь на моей земле.”

“Знаю.”

“Тогда говори со мной.”

Мужчина не отвёл взгляда.

“То, что нам нужно, не твоё.”

В воздухе будто стало холоднее.

Я увидела, как пальцы Бьёрна легли удобнее на рукоять меча.

Эйрик не шевельнулся.

“На моей земле я решаю, кто говорит.”

Посланник чуть повернул голову.

“Эйнар может говорить сам.”

Эйнар стоял слева от меня.

“Могу.”

Чужак кивнул.

Потом посмотрел прямо на меня.

“И женщина тоже.”

Женщина.

Не Лив.

Не ведьма.

Не лекарка.

Он явно не хотел называть меня неправильно.

Интересно, потому что не знал имени или потому что знал слишком хорошо?

Эйрик сделал полшага вперёд.

Посланник перевёл взгляд на него.

Я приготовилась услышать привычное короткое решение.

“Она останется.”

Или:

“Говорить будешь со мной.”

Когда-то именно так всё и происходило.

Моё место определяли быстрее, чем я успевала открыть рот.

Эйрик повернулся ко мне.

“Будешь говорить?”

Я смотрела на него, наверное, дольше, чем требовал простой вопрос.

Он мог ответить сам.

У него были люди, мечи, земля под ногами и полное право ярла вести переговоры с чужаками.

Но речь шла обо мне.

И поэтому он спросил.

Всего два слова.

Почему-то они весили больше любой клятвы.

Я перевела взгляд на трёх мужчин.

“Буду.”

Эйрик кивнул и отступил ровно настолько, чтобы мы стояли рядом.

Не впереди меня.

Не передо мной.

Рядом.

Посланник заметил это.
Мне показалось, что именно такой ответ он и ожидал.
“Тогда выслушай.”
“Слушаю.”
“Мы не пришли за землёй Волчьего дома.”
Он говорил спокойно.
“Нам не нужно ваше серебро. Не нужны стада. Не нужны люди ярла.”
Хорошее начало.
Особенно от человека, за спиной которого в море стояло больше двух десятков кораблей.
“Тогда можно было прислать письмо”, сказала я.
Он не улыбнулся.
Жаль.
“Мы пришли забрать то, что не должно оставаться здесь.”
Эйнар тяжело выдохнул рядом.
Я почувствовала под одеждой холод пластины.
“И что же?”
Посланник посмотрел сначала на Эйнара.
Потом на вход в Волчий дом.
Наверное, представлял коробку, которую даже не мог видеть.
После его взгляд остановился на мне.
Он начал перечислять медленно.
Будто хотел, чтобы каждое слово услышали все стоящие на причале.
“Эйнар.”
Пауза.
“Коробка Хельги.”
Ещё одна.
“Металлическая пластина.”
У меня неприятно сжалось внутри.
Посланник посмотрел мне прямо в глаза.
“И Варвара Соколова.”

Глава 8. Человек, который поймёт

“И Варвара Соколова.”

Моё полное имя прозвучало над ночным причалом так буднично, будто мужчина напротив просто зачитал список покупок.

Эйнар.

Коробка.

Пластина.

Я.

Четыре вещи, которые они хотели забрать.

Я медленно вдохнула холодный воздух.

До этого момента где-то внутри ещё жила слабая надежда, что они знают только фамилию с пластины. Может быть, услышали её от Эйнара. Может быть, нашли старую запись Хельги.

Но посланник назвал меня полностью.

Не Лив.

Не лекаркой.

Варварой Соколовой.

“Кто сказал тебе моё имя?”

Мужчина посмотрел спокойно.

“Тот, кто послал нас.”

“Имя у него есть?”

“Есть.”

“Очень рада за него.”

Он не отреагировал.

По воде за его спиной мягко ударяли борта лодок. Дальние корабли почти не двигались. Их огни стояли в темноте ровной цепью.

Ждали.

Эйрик смотрел на посланника.

“Ты перечислил, что хочешь. Теперь скажи, что предлагаешь.”

Чужак чуть склонил голову.

“Мир.”

Бьёрн тихо выдохнул через нос.

Я его понимала.

Двадцать с лишним кораблей ради мирного предложения выглядели несколько чрезмерно.

“Как щедро”, сказала я.

Посланник перевёл взгляд на меня.

“Никто не хочет новой крови.”

Я посмотрела на обгоревшие доски причала.

На тёмные пятна, которые море ещё не успело смыть после прошлой битвы.

“У вас странный способ это показывать.”

“Мы не нападали на Волчий дом.”

“Пока.”

Он выдержал мой взгляд.

“Пока.”

Вот теперь стало честнее.

Эйрик чуть повернул голову.

“Если я отдам тебе Эйнара, коробку, железо и женщину, твои корабли уйдут?”

“Да.”

Женщину.

Даже имя быстро закончилось.

Я снова стала частью перечня.

Эйнар шагнул вперёд.

“Ты знаешь, что я не пойду.”

“Знаю.”

“Тогда зачем пришёл?”

“Не за твоим согласием.”

В голосе мужчины ничего не изменилось.

Но я почувствовала, как рядом напрягся Бьёрн.

Эйрик остался неподвижным.

“На моей земле людей не забирают без согласия.”

Посланник посмотрел на него.

“Эйнар принадлежит Седым островам.”

“Люди не принадлежат земле.”

Я невольно взглянула на Эйрика.

Он не смотрел на меня.

И всё же фраза ударила куда сильнее, чем должна была.

Когда-то этот человек сам считал, что достаточно приказать, чтобы решить мою судьбу.

Теперь он произнёс это так просто, будто всегда знал.

Посланник качнул головой.

“Ты защищаешь то, чего не понимаешь, ярл.”

“Возможно.”

“Это может стоить твоим людям жизни.”

“Тоже возможно.”

Никакой бравады.

Он просто принимал цену своих слов.

Мне стало неуютно.

Потому что среди этой цены была и я.

Я шагнула ближе.

“Допустим, Эйнар сам решит. Коробка принадлежала Хельге. С пластиной вообще никто пока не понимает, что делать. А я каким боком оказалась частью вашего мира?”

“Ты нужна рядом с дверью.”

“Это я уже слышала.”

“Тогда понимаешь.”

“Нет. Я понимаю только то, что вы приплыли с вооружёнными людьми и предложили отдать вам женщину в обмен на то, что не начнёте убивать остальных.”

На этот раз посланник чуть нахмурился.

“Ты говоришь так, будто мы хотим причинить тебе вред.”

Я почти рассмеялась.

“Люблю эту фразу. Обычно после неё человека пытаются куда-нибудь утащить.”

Бьёрн кашлянул.

Кажется, прятал усмешку.

Посланник остался серьёзен.

“Тебя не тронут.”

“Успокоил.”

“Ты будешь под защитой.”

“Ещё лучше.”

Я почувствовала, как внутри поднимается злость.
Не горячая.
Холодная и очень знакомая.
Мне уже обещали защиту.
Ею оправдывали стражу у двери.
Запрет выходить из дома.
Решения, которые принимали за меня.
Я слишком долго училась отличать защиту от клетки, чтобы снова спутать эти вещи.
“Куда вы хотите меня увезти?”
Посланник помедлил.
“Сначала на корабль.”
“Потом?”
“Тебе объяснят.”
“Кто?”
“Человек, которому ты нужна.”
Вот это было уже совсем плохо.
Я посмотрела на Эйнара.
Он отвернулся к морю.
Значит, понял, о ком речь.
И снова не собирался рассказывать раньше времени.
Замечательно.
“А если я не соглашусь?”
Тишина стала плотнее.
Посланник оглянулся на воду.
Не демонстративно.
Просто напомнил, сколько там огней.
“Мы останемся.”
“И?”
“Будем ждать.”
“Долго?”
“Сколько потребуется.”
Эйрик заговорил раньше меня.
“Моих запасов вам не хватит на всю зиму.”
Мужчина посмотрел на него.
“Мы не рассчитываем на твои запасы.”
В нескольких шагах от меня Бьёрн едва заметно изменил стойку.
Я тоже поняла.
Они готовились заранее.
Это не была попытка запугать нас и уйти после отказа.
Они действительно могли остаться.
Перекрыть фьорд.
Ждать.
Давить на соседние земли.
На людей, которые только что пережили битву.
Посланник снова посмотрел на Эйрика.
“Мы предлагаем тебе избежать войны.”
Эйрик молчал.
Потом повернулся ко мне.
Не к Бьёрну.

Не к Эйнару.
Ко мне.
“Твой ответ?”
Вот так просто.
Он мог сказать “нет” сам.
Мог выставить людей с причала.
Мог превратить меня в причину мужского спора о власти и чести.
Но не сделал этого.
Ответ был мой.
Я посмотрела на море.
На двадцать с лишним огней.
На лодку, которая ждала у причала.
Потом на человека, который предлагал чужую безопасность в обмен на мою свободу.
Когда-то такой выбор напугал бы меня сильнее.
Теперь стало почти спокойно.
“Нет.”
Посланник не удивился.
“Подумай.”
“Уже.”
“Ты не знаешь, от чего отказываешься.”
“Зато прекрасно знаю, на что не согласилась.”
Он несколько мгновений молчал.
Потом посмотрел на Эйрика.
“Значит, это ответ Волчьего дома?”
Эйрик даже не повернул головы.
“Ты спрашивал её.”
Что-то в лице посланника изменилось.
Совсем немного.
Словно он только сейчас понял, что привычного торга не получится.
Меня нельзя было купить у ярла.
Нельзя было получить вместе с коробкой.
Нельзя было обменять на мир без моего согласия.
На воде вспыхнул ещё один белый огонь.
На этот раз ближе.
Посланник посмотрел туда, потом снова на меня.
И улыбнулся впервые за весь разговор.
Не зло.
Почти устало.
“Хорошо, Варвара Соколова.”
Он отступил к лодке.
“Скоро тебе придётся сказать это человеку, который понимает твою речь лучше нас.”

Глава 9. Суд Хравна

К утру чужие корабли не ушли.

Это было первое, что я узнала, открыв глаза.

Второе, что Хальвдан уже пытался выбраться во двор посмотреть на них.

Третье, что сегодня судили Хравна.

Нормальное утро в Волчьем доме.

Я умылась ледяной водой, собрала волосы и вышла из лечебницы.

Над фьордом висел серый рассвет. Чужие суда стояли далеко от берега, словно вчерашний разговор закончился не отказом, а простой паузой.

Они действительно ждали.

Люди старались не смотреть на море слишком часто.

Получалось примерно так же хорошо, как у меня не думать о пластине с собственной фамилией.

Возле большого дома уже собирались мужчины. Не все пришли с оружием, но почти у каждого нож висел на поясе. Женщины держались дальше, возле дверей и стен.

Я заметила Асту.

Она стояла рядом с Гудрун.

Не позади неё.

Раньше такая мелочь ничего бы для меня не значила.

Теперь значила.

Свободная женщина.

Я поймала её взгляд. Аста едва заметно кивнула.

Сегодня Хравн.

Потом Орм.

Старые долги наконец собирались перестать висеть над домом.

Эйрик вышел последним.

Без плаща ярла для пира, без лишнего серебра. Только тёмная одежда, пояс и меч.

Он выглядел уставшим.

За последние дни ему приходилось одновременно считать раненых, следить за чужими кораблями, готовиться к возможной новой войне и разбираться с людьми, которые едва не уничтожили его дом изнутри.

Иногда я удивлялась, как он вообще ещё стоит.

Потом вспоминала, что сама примерно в том же состоянии.

Хравна вывели двое воинов.

Я не сразу узнала его.

Не внешне.

Лицо осталось тем же. Высокий лоб, впалые щёки, седина, тёмный взгляд.

Но исчезло что-то другое.

Раньше, когда Хравн входил в помещение, люди словно сами освобождали ему место.

Теперь воины просто поставили его перед Эйриком.

Руки были связаны.

На шее не было знаков годи.

Никаких костей.

Никаких амулетов.

Только человек.

И всё же рядом кто-то быстро отвёл глаза.

Старик у стены коснулся пальцами груди.

Женщина за моей спиной прошептала имя Тора.
Страх не исчезал вместе с украшениями.
Хравн это тоже заметил.
Уголок его рта дрогнул.
Вот этого я в нём ненавидела больше всего.
Он умел находить страх быстрее врача, который ищет симптом.
И сразу понимал, куда надавить.
Эйрик начал говорить.
Без крика.
Он назвал обвинения.
Предательство дома.
Участие в заговоре.
Использование своего положения для лжи и давления на людей.
Сокрытие того, что касалось смерти Рагнхильд и опасности для Хальвдана.
Попытка обратить страх перед богами против собственного ярла.
Слова ложились одно за другим.
Когда-то любое из них могло вызвать шум.
Теперь люди молчали.
Хравн слушал спокойно.
“Будешь отрицать?” спросил Эйрик.
“Что именно?”
Я почти закатила глаза.
Вот он.
Тот самый Хравн.
Даже связанный, всё равно пытается заставить другого уточнять очевидное.
Эйрик не поддался.
“То, что услышал.”
Хравн посмотрел на собравшихся.
“Я служил богам и этому фьорду дольше, чем некоторые из вас живут.”
Никто не ответил.
Но несколько человек снова опустили головы.
Я почувствовала старое раздражение.
Ему не нужны были доказательства.
Достаточно было напомнить, кем он был.
Хравн увидел реакцию.
“Когда пришла чужая женщина, я предупреждал.”
Я напряглась.
Эйрик повернул голову совсем немного.
“Здесь судят тебя.”
“Разве?”
Хравн посмотрел прямо на меня.
“Сколько чужих кораблей стоит сейчас в твоём фьорде, ярл?”
По толпе прошёл тихий ропот.
Попал.
Конечно попал.
Вчера в море не было двадцати с лишним кораблей, когда большинство людей последний раз видело Хравна свободным.
Теперь были.
И они пришли за мной.

Он понятия не имел почему.
Но страху редко нужны подробности.
“Они пришли после неё”, сказал Хравн.
Кто-то сзади пробормотал:
“Это правда.”
Я обернулась.
Не увидела кто.
Хравн услышал.
Его глаза потемнели от удовлетворения.
“Сначала болезнь. Потом кровь. Теперь корабли.”
У меня внутри что-то холодно сжалось.
Старый приём.
Знакомый.
Связать события, назвать причиной человека, которого остальные не понимают.
Работало веками.
Работает и сейчас.
Я открыла рот, но Эйрик поднял руку.
Не мне.
Толпе.
“Корабли пришли не потому, что Хравн что-то предсказал.”
Тишина.
“Они пришли за вещами и людьми, о которых он ничего не знал.”
Хравн усмехнулся.
“Ты уверен?”
Вот теперь заговорил Эйнар.
До этого он стоял в стороне, возле входа в дом.
“Он не знал.”
Хравн повернул голову.
Впервые его уверенность дала трещину.
Совсем маленькую.
Он внимательно посмотрел на Эйнара.
Потом на его одежду.
На руки.
На лицо.
“Кто ты?”
“Эйнар из Седых островов.”
Хравн перестал улыбаться.
Я заметила это сразу.
Не имя.
Острова.
Именно они.
Эйрик тоже заметил.
“Ты знаешь их?”
Хравн не ответил.
Теперь он смотрел только на Эйнара.
Тот подошёл ближе.
На шнуре у его груди висела небольшая деревянная пластина, которую раньше скрывал плащ.
Я уже видела этот знак.

Три линии.

Круг.

Птица с расправленными крыльями.

Тот же рисунок был на коробке Хельги.

Хравн побледнел.

Настолько заметно, что я невольно сделала шаг вперёд.

Впервые с момента нашего знакомства я увидела на его лице не расчёт.

Не презрение.

Не религиозную уверенность.

Узнавание.

“Откуда у тебя это?” спросил он.

Эйнар коснулся знака.

“Ты его знаешь?”

Хравн поднял глаза.

“Откуда?”

Эйнар не ответил.

Теперь настала его очередь заставлять другого говорить.

Эйрик произнёс:

“Хравн.”

Тот медленно повернул голову.

“Ты видел этот знак раньше?”

Молчание затянулось.

Люди вокруг тоже почувствовали перемену.

Ещё несколько минут назад Хравн пытался вернуть себе власть привычными словами.

Теперь забыл о собственном суде.

Смотрел на кусок дерева так, словно из могилы вышел человек, которого он давно похоронил.

“Где ты его видел?” спросила я.

Хравн перевёл взгляд на меня.

И вдруг мне захотелось, чтобы он снова начал рассказывать про богов.

Потому что сейчас в его глазах было что-то настоящее.

“У старой слепой”, сказал он.

Я замерла.

Эйрик нахмурился.

“У кого?”

Хравн словно не услышал.

Он продолжал смотреть на знак Эйнара.

Потом тихо произнёс:

“Храфнхильд тоже рисовала этот знак”.

Глава 10. Последнее слово годи

После слов Хравна никто не заговорил.

Храфнхильд тоже рисовала этот знак.

Ещё вчера подобная фраза могла бы вызвать у меня только раздражение. Ещё одна мёртвая женщина, ещё одно пророчество, ещё один человек, который знает что-то важное и говорит ровно половину.

Теперь было иначе.

Знак лежал на коробке Хельги.

Тот же знак носил Эйнар.

И его знала слепая вёльва, умершая задолго до моего появления.

Слишком много совпадений даже для моей новой жизни.

Эйрик смотрел на Хравна.

"Что она говорила о нём?"

Хравн медленно улыбнулся.

И я сразу поняла, что ответа не будет.

По крайней мере, простого.

"Значит, всё-таки хочешь слушать старика, который лгал твоему дому?"

"Я хочу знать."

"Нет."

Хравн поднял связанные руки насколько позволяла верёвка.

"Ты хочешь выбрать, чему из моих слов верить."

По людям прошёл едва заметный шум.

Он снова делал то, что умел лучше всего.

Не отвечал.

Заставлял сомневаться.

Я посмотрела на лица вокруг. Некоторые слушали его слишком внимательно.

Страх живучая зараза.

Хуже всего то, что от неё нельзя отделаться кипятком и чистой тканью.

"Храфнхильд говорила о женщине", продолжил Хравн. "О Волке. О доме, который изменится после её прихода."

Он посмотрел на меня.

"Вы смеялись."

Я не выдержала.

"По-моему, смеялось здесь меньше людей, чем тебе хотелось бы."

На его лице ничего не изменилось.

"Ты думаешь, это закончилось?"

"Твой суд? Очень надеюсь."

Бьёрн тихо хмыкнул где-то справа.

Но Эйрик даже не взглянул на меня.

"Достаточно."

И стало тихо.

Не потому, что Хравн потребовал.

Потому что сказал ярл.

Разница была почти физической.

Эйрик вышел вперёд.

"Ты использовал имя богов, чтобы заставлять людей бояться тех, кто мешал тебе."

Хравн усмехнулся.

"Так говорит человек, который вчера спрашивал о знаке вёльвы."

"Я спрашивал человека. Не бога."

Улыбка исчезла.

Эйрик говорил медленно.

Не громко.

От этого каждое слово слышалось отчётливее.

"Ты знал о заговоре против моего дома. Ты помогал скрывать правду о Рагнхильд. Ты позволил обвинить Лив в том, чего она не делала. Ты требовал смерти женщины, потому что её знания мешали твоей власти."

На последней фразе Хравн посмотрел на меня.

Когда-то от его взгляда по спине бежал холод.

Сейчас я просто смотрела в ответ.

"Ты больше не годи Волчьего дома", сказал Эйрик.

В толпе кто-то шумно вдохнул.

Вот оно.

Не верёвки.

Не плен.

Не даже будущий приговор.

Настоящая потеря Хравна.

Имя и место, с которых он говорил столько лет.

Хравн выпрямился.

"Не тебе отнимать то, что дали боги."

"Люди дали тебе место среди них."

Эйрик выдержал паузу.

"Люди его забирают."

Я заметила, как Хравн стиснул связанные пальцы.

Первый настоящий удар.

Не страх.

Не ярость.

Бессилие.

Эйрик продолжил:

"Ты уйдёшь из Храфнс-фьорда."

Теперь заговорили сразу несколько человек.

Тихо, растерянно.

Я даже сама удивилась.

После всего случившегося часть меня ожидала смерти.

Кровь за кровь.

Этот мир редко выбирал мягкие решения.

Но Эйрик не закончил.

"До заката тебе дадут пищу на дорогу. Оружия не будет. Знаков годи не будет. Ты не войдёшь ни в один дом под моей защитой как жрец."

Хравн смотрел на него неподвижно.

"И если вернусь?"

"Тогда вернёшься как человек, нарушивший изгнание."

Бьёрн положил ладонь на меч.

Объяснений больше не требовалось.

Я медленно выдохнула.

Так вот чем стал Эйрик после первой книги.

Раньше он убил бы человека, который угрожал его сыну и дому, и счёл бы вопрос закрытым.

Теперь заставлял Хравна жить с тем, чего тот боялся больше смерти.

Без власти.

Без права говорить за богов.

Без людей, обязанных молчать, когда он начинал говорить.

Я должна была радоваться.

Правда.

Я столько раз представляла день, когда больше не придётся оглядываться и ждать, что этот человек снова назовёт меня ведьмой.

Но внутри оказалось пусто.

Хравн был только человеком.

Опасным.

Умным.

Жестоким.

Но человеком.

А корабли в море никуда не исчезли.

Пластина с моей фамилией тоже.

Как и письмо женщины, знавшей слово "Соколова" за тысячу лет до моего рождения.

Я вдруг очень ясно поняла: победа над Хравном ничего не объяснила.

Он просто был удобным лицом старого страха.

Теперь страх получил новое.

Белый свет.

Дверь.

Людей, которые пришли за мной.

Воины подошли, чтобы увести Хравна.

Он не сопротивлялся.

Сделал несколько шагов, потом остановился напротив Эйнара.

"Она рисовала птицу иначе."

Эйнар напрягся.

"Храфнхильд?"

"Да."

"Где?"

"На камне у кургана. Много зим назад."

Эйнар хотел спросить ещё, но Хравн уже отвернулся.

Проходя мимо меня, он остановился.

Совсем близко.

Я чувствовала запах дыма от его одежды.

Когда-то он стоял примерно так же, пока меня готовили вести к ледяной воде.

Тогда у меня были связанные руки.

Теперь связаны были его.

Хорошая картинка для человека, который верит в справедливость.

Жаль, я давно перестала верить в картинки.

"Ты ждала этого дня, лекарка?"

"Иногда."

"И что чувствуешь?"

Я подумала.

"Что ты слишком много говоришь."

Он тихо рассмеялся.

Без прежней силы.
Но и без поражения.
Именно это раздражало больше всего.
"Ты победила меня, лекарка."
Я ничего не ответила.
Хравн посмотрел туда, где за домами начинался путь к кургану.
"Но дверь не победишь."
Воины повели его дальше.
Люди расступались.
Некоторые смотрели с ненавистью.
Некоторые со страхом.
Одна старая женщина всё-таки коснулась пальцами амулета, когда Хравн проходил мимо.
Он увидел.
И улыбнулся.
Тогда я поняла, почему мне не стало легче.
Можно изгнать человека.
Нельзя одним приговором изгнать всё, чему он научил людей бояться.
Хравн уже почти дошёл до края собравшихся, когда неожиданно обернулся.
Ветер тронул его седые волосы.
Голос донёсся удивительно ясно.
"Запомни одно, Варвара Соколова."
У меня сжались пальцы.
Он никогда раньше не называл меня так.
"Эта дверь была здесь раньше Волчьего дома."
Хравн перевёл взгляд на Эйрика, потом на Эйнара.
"И будет после вас."
Он усмехнулся.
"Она никому не позволит назвать себя хозяином."

Глава 11. Орм

Орм выглядел хуже Хравна.

И почему-то это меня совершенно не радовало.

Его вывели к людям ближе к полудню. За ночь ветер усилился, с моря тянуло сыростью, а чужие корабли всё ещё стояли на прежнем месте.

Наверное, ждали, пока мы закончим разбираться со своими мерзавцами.

Очень вежливо с их стороны.

Орм похудел. Борода отросла неровно, на щеке темнел заживающий порез. Руки были связаны впереди.

Но стоило ему увидеть меня, во взгляде появилось прежнее.

Не страх.

Злость человека, который до сих пор уверен, что всё пошло неправильно только потому, что другие внезапно перестали ему подчиняться.

Потом он заметил Асту.

И усмехнулся.

Совсем чуть-чуть.

Я почувствовала, как рядом со мной она замерла.

На шее Асты висел медный знак свободы, который Эйрик дал ей после битвы. Маленькая пластина на кожаном шнуре.

Раньше я почти не замечала её.

Сегодня заметила сразу.

Орм тоже.

"Её зачем привели?" спросил он.

Эйрик стоял перед ним.

"Говорить."

Орм рассмеялся.

"Она?"

Аста побледнела.

Я видела, как её пальцы сжались вокруг медной пластинки.

И вспомнила другую Асту.

Тихую.

Быструю.

Всегда знающую, когда нужно опустить глаза.

Девушку, которая могла услышать половину заговоров в доме только потому, что мужчины привыкли не считать её человеком, которому стоит молчать при важных разговорах.

Когда Орм похитил её, её слово почти ничего не стоило.

Он это знал.

Наверное, поэтому и не боялся.

Эйрик посмотрел на Асту.

"Говори."

Она не начала.

Орм усмехнулся шире.

"Ну?"

Я уже хотела подойти, но остановилась.

Не надо.

Это б

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.